

Фу Яньсю, словно забыв разжать ладонь, продолжал крепко держать Линь Шу за руку. Пронзительным взглядом он сверху вниз смотрел на человека, что корчился перед ними — жалкое существо, окончательно утратившее человеческий облик и всякое сострадание.

— Каковы были критерии отбора подопытных? — ледяным тоном спросил он.

— Отличное здоровье, железная воля и отсутствие социальных связей. Лучше всего — одиночки, у которых ни кола ни двора... — Е Чжаохуа натужно закашлялся. Он взглянул на Линь Шу и, преодолевая саднящую боль в горле, быстро продолжил: — Первые два пункта нужны, чтобы объект не загнулся раньше времени в процессе эксперимента. Последний — чтобы исчезновение не бросалось в глаза.

Он горько, почти искренне усмехнулся.

— В основном мы целились в молодёжь. Бар «Цзиюэ» служил приманкой, сладким нектаром для пчёл. Пользуясь положением менеджера, я подбирал подходящие цели для лаборатории.

Он на миг поморщился от боли.

— Я ведал всей внешней логистикой. Когда-то я мнил себя незаменимым, но на деле оказался лишь разменной монетой. Отработанным материалом. Даже если меня схватят, команда почти ничего не потеряет.

Е Чжаохуа старался говорить искренне. Тот честно трудился на благо лаборатории, но когда дело запахло керосином, вся группа спешно эвакуировалась, бросив его разгребать последствия под угрозой неминуемого ареста. В такой ситуации его «откровенность» выглядела вполне логичной мстью предателям.

Если бы Фу Яньсю не изучил его досье вдоль и поперёк, он мог бы даже поверить этому спектаклю. Но короткая стычка уже дала понять: перед ними крайне хитрый и опасный противник.

— Ты окончил одну из лучших медицинских академий мира. Ещё в студенчестве твои статьи в авторитетных биологических журналах наделали немало шума. После докторантуры ты без труда попал в исследовательский институт при «Хайнштайне». И такой человек, как ты, якобы занимался лишь второстепенной курьерской работой?

Е Чжаохуа — не заурядный лаборант. Лекарства, разработанные им ещё в университете, уже два года как прошли клинические испытания и спасали миллионы жизней. И это была лишь малая часть его достижений. Некоторые люди рождаются гениями, с лёгкостью достигая высот, о которых другие не смеют и мечтать за всю жизнь.

Когда он выпустился, правительство пыталось уговорить его вернуться на родину для научной

работы. Переговоры шли успешно, но в последний момент Е Чжаохуа передумал, выбрав предложение «Хайнштайна». Такой человек — центр внимания в любой структуре. Неужели в лаборатории были настолько глупы, чтобы разбрасываться подобными талантами?

— Вижу, вы подготовились и изучили меня досконально, — Е Чжаохуа оставался невозмутимым, словно разоблачили не его самого. В его голосе послышалась мечтательная грусть. — Вы правы. Тогда я тоже верил, что в лучшей лаборатории мира смогу реализовать свои амбиции. Я знал, что мой интеллект не уступает никому, и шёл туда с мечтой. Но я недооценил человеческую природу.

Он вздохнул, поправляя очки.

— Везде, где есть люди, есть интриги. Даже в таком «чистом» месте, как наука, не обходится без этой вони. А поскольку научный мир тесен и закрыт, люди грызут друг друга с особой жестокостью. Меня давили несколько лет, планомерно вытесняя на обочину, пока не оставили заниматься всяким хламом. Чтобы остаться, мне нужно было доказать свою ценность. Эта грязная работа — мой единственный шанс зацепиться.

Глядя на падение такого гения, любой невольно проникся бы сочувствием. Фу Яньсю нахмурился.

— У тебя было множество других путей.

— Но ни один из них не вёл в институт «Хайнштайна»!

Е Чжаохуа внезапно разволновался. При упоминании любимого дела он вспыхнул фанатизмом.

— «Хайнштайн» открыл предо мной дверь в новый мир! Только там я могу коснуться истинных тайн мироздания. Ни один биолог не в силах устоять перед искушением, которое предлагает «Хайнштайн». Ни один!

Он подался вперёд, его голос дрожал от страсти.

— Весь мой интерес, вся моя страсть — здесь. Заставить меня уйти из «Хайнштайна» можно только убив!

Фу Яньсю помрачнел.

— Похоже, ты не только не испытываешь отвращения к экспериментам на людях, но и наслаждаешься ими.

— А почему я должен испытывать отвращение? — Е Чжаохуа слегка склонил голову. На его

лице, красивом и одухотворённом, появилось выражение странного, почти детского недоумения. — Подопытными могут быть кошки, собаки, крысы... так почему не люди? Разве человек — не биологический вид Земли?

Перед ними был безумец. Хладнокровный фанатик от науки, для которого человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша. Фу Яньсю должен был ненавидеть его, но сейчас чувствовал лишь брезгливую жалость. Обладая блестящим талантом, этот человек добровольно стал цепным псом, направив свои знания во зло и не чувствуя ни капли раскаяния.

Гениальность и безумие — две стороны одной медали. И институт «Хайнштайна» окончательно уничтожил в Е Чжаохуа остатки человечности.

Фу Яньсю вспомнил жертв, которых ему доводилось видеть в ходе заданий. Некоторым везло, их спасали, но они до конца дней жили с незаживающими ранами в душе. Жизни большинства же навсегда прерывались на грязных, провонявших формалином операционных столах. Гнев закипел в груди, он стиснул зубы. Он почувствовал, как Линь Шу мягко сжал его руку, и, сделав глубокий вдох, процедил сквозь зубы:

— Ты заслуживаешь смерти.

— Все когда-нибудь умрут, — Е Чжаохуа улыбнулся, словно не замечая ледяной жажды убийства, исходившей от собеседника. — Большинство людей в этом мире проживают жизнь впустую, как балласт. Так не лучше ли принести хоть какую-то пользу науке и исследованию мира, вместо того чтобы просто потреблять ресурсы?

В его безумном мире жизнь не имела иерархии.

— Для меня нет разницы в ценности жизни. Растение — это жизнь, животное — жизнь. Почему над ними можно проводить опыты, а над человеком — нельзя? Практика доказывает: в человеческом теле сокрыты величайшие тайны вселенной. Тратить жизнь на то, чтобы просто есть и испражняться, будучи паразитом на теле планеты — вот что я называю истинным расточительством.

Логика Е Чжаохуа была отточенной, а красноречие — убедительным. Будь на месте героев кто-то послабее духом, его речи вполне могли бы стать ядом для разума. Линь Шу невольно вспомнил бесчисленные секты, расцветшие после начала апокалипсиса. Найми они Е Чжаохуа в качестве идеолога, их влияние не ограничилось бы парой городов.

— Заткнись, — оборвал его Линь Шу. — Раз ты такой идейный, что ж ты себя на куски не порезал?

— Я не могу оперировать сам себя, это технически невозможно. Приходится препарировать других, — совершенно серьёзно ответил Е Чжаохуа. Он выглядел искренне огорчённым, будто и впрямь обдумывал этот вариант.

Он продолжил:

— Общество — это джунгли, просто скрытые. Закон джунглей гласит: сильный пожирает слабого. Этот принцип не менялся десятки тысяч лет. Те, кто лежит на операционном столе, лишь доказывают свою слабость. Мы сильнее — они подчиняются. Всё логично.

Линь Шу прищурился.

— Сейчас ты наш пленник. Мы — сильные, ты — слабый. И ты будешь нам подчиняться.

— Именно так, — охотно согласился Е Чжаохуа. — Я вам не соперник, поэтому отвечу на всё, что спросите. Бессмысленное сопротивление — не мой метод.

Линь Шу аж поперхнулся от такой наглости. Надо же, какой учёный-проповедник выискался. Фу Яньсю слегка потянул его за руку, шепнув:

— Не ведись на его софистику.

Линь Шу сердито зыркнул на него. Старина Фу явно забавлялся, глядя на то, как Линь Шу пытается переспорить этого психа, хоть и старался не подавать вида.

Е Чжаохуа снова открыл было рот, но в тот же миг острый кинжал пролетел в миллиметре от его шеи. Рукоять с глухим стуком вонзилась в стену позади него, а срезанная прядь волос медленно опустилась на пол.

— Я сказал: заткнись, — повторил Линь Шу.

Е Чжаохуа послушно умолк.

Фу Яньсю вернул допрос в конструктивное русло.

— Эту подземную лабораторию построил «Хайнштайн»? Какова их цель? Зачем идти на такой риск, проворачивая подобные дела на территории Китая? И как связаны мутировавшие существа с «Хайнштайном»?

Е Чжаохуа взглянул на Линь Шу.

— Говори, — бросил тот.

Только тогда Е Чжаохуа заговорил:

— Лаборатория действительно принадлежит «Хайнштайну». Я не вхожу в ближний круг, поэтому о глубоких тайнах знаю немного. Но с тех пор, как я здесь, мы занимаемся исследованиями мутаций. Откуда взялись первые образцы и кто именно предложил проект «Золотой век», мне доподлинно неизвестно.

Он сделал паузу, словно лектор перед аудиторией.

— «Золотой век» — это отсылка к греческим мифам. Предание гласит, что тогда люди жили без забот, не знали болезней и старости, а их сила была сопоставима с божественной. Цель проекта — создать «Нового человека», равного тем титанам.

Линь Шу не сдержал ядовитой усмешки:

— С «Золотыми людьми» у вас как-то не задалось, зато чудовищ-людоедов наплодили в избытке. Похоже, ваше исследование свернуло не туда.

— Ничего не поделаешь. Люди как подопытный материал — ресурс дефицитный, его приходится экономить, — Е Чжаохуа ответил без тени смущения. Он сохранял выражение вежливого спокойствия, в то время как из уст лились чудовищные вещи. — К тому же, хотя мне не очень приятно это признавать, звание «венца творения» за человечеством закреплено не зря. Человеческое тело — это колоссальная сокровищница тайн. По сравнению с нами, опыты над другими видами проходят куда проще и быстрее приносят результаты.

Фу Яньсю с трудом подавил желание стереть эту маску безразличия с его лица.

— Значит, мутанты, появляющиеся по всему миру — дело рук лабораторий «Хайнштайна»?

Линь Шу внимательно следил за реакцией учёного.

— Мне известно лишь о работах «Хайнштайна». Участвовали ли в этом другие силы — уровень не моего допуска, — Е Чжаохуа выкладывал всё без утайки. — Несколько видов вымирающих существ с генами древних организмов водятся только здесь, в Китае. Но ваша таможня работает слишком жёстко, контрабандой их не вывезти. Юньчэн находится на стыке границ трёх государств, здесь проще затеряться. К тому же сам регион невероятно богат биологическими ресурсами. Поэтому пришлось потратить силы и выстроить лабораторию прямо здесь.

Он с сожалением вздохнул:

— Это место — настоящий рай для биолога. Если бы не ваш тотальный контроль, мы бы продвинулись в исследованиях в несколько раз быстрее. За границей всё было бы куда проще, и у меня оставалось бы больше времени на саму науку.

— Мать твою! — не выдержал Линь Шу. — Ты похищал наших людей, воровал краснокнижных животных, и у тебя ещё хватает наглости жаловаться на строгость наших законов?!

Линь Шу кипел от ярости. Наглость этого типа не знала границ.

— Забудь про свой капиталистический рай. Когда тебе выкатят обвинение по совокупности всех преступлений, остаток дней ты проведёшь, любуясь небом в клеточку. И больше никогда в жизни не прикоснёшься к своему любимому скальпелю. Радуйся, ублюдок!

Фу Яньсю задал последний вопрос:

— Зачем ты остался здесь, рискуя быть схваченным? Какова была твоя истинная цель?

Е Чжаохуа мгновенно побледнел.

Когда его схватили, он был спокоен. Когда его жизнь была на волоске, он изворачивался и философствовал. Но стоило упомянуть, что он навсегда лишится права исследовать тайны жизни, как вся спесь с него слетела. Словно из него разом выкачали весь воздух.

Для безумного учёного без морали и принципов, чьей единственной религией была наука, смерть не была страшна. Страшным было забвение. Жить, осознавая, что больше никогда не заглянешь за занавес тайн этого мира — это было для него хуже любой казни.

Он, до этого державшийся прямо, бессильно сгорбился. Линь Шу бросил на Фу Яньсю одобрительный взгляд — старина Фу попал точно в цель.

Е Чжаохуа поправил очки дрожащей рукой.

— Если я во всём признаюсь... могу ли я рассчитывать на смягчение условий?

Даже в момент полного краха он пытался выторговать себе хоть что-то. Настоящий безумный гений.

— Что тебе нужно? — холодно спросил Фу Яньсю.

<http://bllate.org/book/17473/1696623>